

А. И. Рупасов

Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса

Из трех прибалтийских государств именно Эстония вызывала к себе в Москве в рассматриваемый период наибольшую настороженность. Это было продиктовано не только явной ориентацией ее внешнеполитического курса на Варшаву, тем, что, по сведениям ИНО ОГПУ, в Таллине находился центр английской разведки, «откуда работа разветвляется на Гельсингфорс, Ригу и Мемель»¹, но и тем, что у советской дипломатии фактически отсутствовали какие-либо рычаги воздействия на позицию Таллина по целому спектру проблем, представлявших для Москвы интерес. Былая заинтересованность в использовании эстонского транзита, улетучившаяся уже через год после подписания мирного договора, мизерные объемы двусторонней торговли, обусловленные в значительной степени аграризацией эстонской экономики и в не меньшей степени ограниченностью внешнеторгового потенциала и структурой советского экспорта, не могли служить инструментами в достижении Москвой сугубо политических целей. Данное обстоятельство диктовало неизбежность поиска решений вне сферы двусторонних отношений, например, через предоставление внешнеторговых преференций Латвии или через дипломатические договоренности с Варшавой. Втягивание Европы в конце 1920-х гг. в мировой экономический кризис серьезно отразилось на экономике Эстонии. Складывавшаяся ситуация создавала предпосылки для нового обращения советской стороны к торговле как инструменту

¹ Eesti Rahvusarhiiv (далее – ERA). 138-SM-1–32. L. 3.

дипломатии, но, как показало развитие событий, она не дала желаемого эффекта. Впрочем, сами эти политические цели в значительной степени носили для советской стороны маргинальный характер, Москва вынужденно и неохотно соглашалась на подключение Эстонии к своим внешнеполитическим акциям.

Относительное затишье в советско-эстонских отношениях, наступившее после их резкого охлаждения, вызванного попыткой коммунистического переворота 1 декабря 1924 г., оказалось прервано советской кампанией по заключению так называемых гарантийных пактов с лимитрофами. Декабрьские события 1924 г. в значительной степени и породили ситуацию, делавшую неизбежным выступление СССР с какой-либо инициативой, направленной на успокоение соседей. Кроме того, к такому шагу советскую сторону подталкивали два обстоятельства. Во-первых, казалось, что не принеся сколько-нибудь значимых результатов попытка эстонского правительства заручиться в Лондоне дополнительными гарантиями независимости² может служить своего рода предпосылкой для успеха такой инициативы. Во-вторых, советской дипломатии пришлось констатировать резкое усиление активности Польши в регионе. В Москве возможность возникновения некоего «балтийского союза» во главе с Польшей вызывала по меньшей мере озабоченность. В результате уже в конце января 1925 г. советская сторона подняла в Варшаве тему пакта о ненападении, а в апреле политическое руководство СССР, обеспокоенное возможностью формирования «балтийского блока», сочло необходимым «использовать возможности нашего экономического давления на государства Прибалтики»³. Одновременно тема пактов о ненападении (гарантийных пактов) отошла в сторону. В Москве опасались, что даже продолжение зондажа в этом направлении будет стимулировать нежелательную тенденцию к сплочению лимитрофов под главенством Польши.

Сложившаяся в Эстонии после приобретения независимости партийно-политическая система фактически предопределяла отказ советской дипломатии от каких-либо попыток поиска той политической силы, на взаимовыгодное сотрудничество с которой можно было бы положиться. В 1927 г. эта партийная система оценивалась, например, ИНО ОГПУ следующим образом:

— Крестьянский союз — крайне правая партия, опирающаяся на зажиточное крестьянство, крупную городскую буржуазию и высшее офицерство, с фашистским уклоном;

— Союз домохозяев — «чисто профессиональная организация, имеющая целью защиту домовладельческих интересов»;

² Новейшей публикацией по этому вопросу является статья Хейно Арумэе (*Arumäe H. Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris* // Tuna. 2014. L. 88–103).

³ *Рунасов А. И.* Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х — начале 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 86.

— Партия христианских демократов — «наиболее правая партия из центральных группировок эстонского парламента», опирающаяся на религиозно настроенные слои городского мещанства и середняцкого крестьянства;

— Эстонская народная партия — ядро парламентского центра — опиравшаяся на средняцкое крестьянство, крупное купечество и националистически настроенную интеллигенцию; «базисом программы Народной партии является проблема национальной культуры и национального развития»;

— Партия новопоселенцев, представлявшая экономические интересы новопоселенцев;

— Трудовая партия — левая партия парламентских группировок центра, партия мелкой городской буржуазии, либеральной интеллигенции и мелкого крестьянства;

— Социалистическая рабочая партия Эстонии, образованная в 1926 г. путем объединения социал-демократов с правым крылом независимой социалистической рабочей партии, имела хорошо развитую сеть организаций, особенно в деревне, но численность ее была невелика;

— Рабочая партия Эстонии, образованная в 1926 г., не имела «ярко выраженной политической физиономии»⁴.

С учетом характерного для большинства перечисленных партий отсутствия жестких организационных структур и внутрипартийной дисциплины, а также пронизанной коррупцией политической системы становится понятным, почему советская дипломатия в реализации тех или иных внешнеполитических акций предпочитала ориентироваться на довольно узкую группу политических деятелей, представлявших разные партии и отдельные фракции деловых кругов⁵.

⁴ Сводка общих информационных сведений об Эстонии. 1927 г. // ERA. 138-SM-1–31. L. 241–251. В Государственном собрании (парламенте) по результатам выборов 1926 и 1927 гг. эти партии имели следующее представительство: Крестьянский союз (Põllumeestekogud) — 23 и 24 депутата соответственно, новопоселенцы (Asunike Koondis) — 14 и 14, Народная партия (Rahvaerakond) — 8 и 9, Христианский демократический союз (Kristlik Rahvaerakond) — 5 и 4, Трудовая партия (Tööerakond) — 13 и 10, социал-демократы (Sotsiaaldemokraatid) — 24 и 25, левые социалисты (Vasaksotsialistid) — 6 и 6, Союз домохозяев (Majandusrühm) — 2 и 3, также были представлены национальные фракции — русских (3 и 2), немцев (2 и 3) // Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005. L. 70.

⁵ В данной статье мы намеренно уклоняемся от рассмотрения такой интересующей эстонских историков проблемы, как использование советским полпредством для достижения тех или иных политических целей одного из самых видных политиков Эстонии того времени — Константина Пятса. В разгоревшейся полемике нам близка точка зрения Яака Валге, а не Магнуса Илмъярва. Подробнее см., например: *Valge J.* 1) Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // Akadeemia. 2007. N 1. L. 1163–1200; N 2. L. 1453–1484; 2) Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // Tuna. 2007. N 2. L. 42–66; 3) Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // Ajalooline Ajakiri. 2010. N 1. L. 59–78; 4) Top Estonian Politician's Financial Dealings With Moscow // Journal of Baltic Studies. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478; *Ilmjärva M.* 1) Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // Acta historica Tallinensia. 2009. N 2; 2) Hääletu

Это проявилось, когда советская дипломатия возвратилась после подписания Локарнских соглашений к теме гарантийных пактов. Упомянутые соглашения были негативно восприняты в государствах Балтии и в Польше, для них актуальной проблемой становились гарантии границ на востоке. Учитывая данное обстоятельство, Отдел Польши и Прибалтики НКВД в начале 1926 г. подготовил документ под названием «О соглашении с Прибалтикой», разосланный полпредам в Эстонии и Латвии, а 18 февраля М. М. Литвинов сделал по этому вопросу доклад на заседании Политбюро. Впервые политическому руководству предлагалось согласиться с заключением многостороннего пакта. Согласие Политбюро М. М. Литвиновым было получено⁶. Однако переговорная тактика, которую стала использовать советская дипломатия месяц спустя, свидетельствовала о том, что в Москве поспешили отказаться от ранее принятого решения. Опасения в отношении ведения именно двусторонних переговоров диктовали государствам Балтии необходимость координировать свои действия. Фундаментальным препятствием для достижения компромисса являлось отсутствие доверия у всех втянутых в переговоры сторон. Эстония была встревожена тем, что ее союзница Латвия стала относиться к идее подписания двустороннего гарантийного пакта более благосклонно. Заключение советско-латвийского торгового договора означало для Таллина не только появление бреши в едином фронте лимитрофов, но и лишение надежд на наращивание экспортных и транзитных операций. Свидетельством усилившегося в эстонских деловых кругах недовольства торговой политикой СССР стала кампания в прессе против торгпредства СССР в Эстонии, повлекшая в октябре 1926 г. острую дискуссию на заседании эстонско-русской торговой палаты. ИНО ОГПУ удалось получить копию донесения датского генерального консульства в Таллине, в котором излагалась суть претензий эстонской стороны. Несмотря на попытки заместителя торгпреда В. В. Ковалевского убедить членов палаты в том, что поставка на эстонский рынок дешевых русских товаров «является выгодной для Эстонии и в особенности для ее торгового класса и потребителей», ему категорично возразил председатель палаты Й. Пухк⁷, подчеркнувший, что эстонское купечество является противником открытия русским правительством торговых филиалов и складов в Эстонии и организации в Эстонии русским нефтяным синдикатом розничной торговли. Иными словами, экспансия советских внешнеторговых организаций на скромный по масштабам эстонский рынок была признана нежелательной. Й. Пухк выражал озабоченность той «широкой экспансивностью,

alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseivuse kaotus: 1920. aastate kekspaignast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.

⁶ Протокол № 11 (особый) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 18.02.1926 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 23.

⁷ Йоаким Пухк (1888–1942) — эстонский политик и бизнесмен, в 1925 г. избран председателем Торговой палаты Эстонии, почетный консул Литвы (1921–1927), Финляндии (1927–1940).

которая сейчас проявляется со стороны русского торгового представительства в экономическом отношении». Датскому консулу он доверительно сказал, что у правительства имеются данные о попытках мирного завоевания Эстонии путем расширения советского экономического влияния⁸.

16 августа 1927 г. на частной квартире главы МИД Ф. Акеля состоялось совещание эстонских посланников, аккредитованных в прибалтийских государствах и Польше. Присутствовали посланник в Варшаве О. Штрандман, посланник в Латвии Ю. Сельямаа, поверенный в делах Эстонии в Литве Оскар Эпик. В совещании приняли участие высшие чины министерства иностранных дел — А. Шмидт и Й. Леппик. Помимо вызвавшего продолжительную дискуссию сообщения Штрандмана о созданной советско-польскими переговорами о гарантийном пакте ситуации, особое внимание присутствовавшими было уделено советско-латвийским отношениям. Участники совещания были единодушны в резко отрицательном отношении к заключению советско-латвийского торгового договора, «причем красной нитью проходила мысль, что “нельзя оставаться пассивными, необходима бóльшая активность Эстонии в сторону воспрепятствования ратификации этого договора, являющегося брешью в балтийском союзе государств вообще и в политическом союзе Эстонии и Латвии в частности”»⁹.

Недовольство тем, что Латвия снимает сливки с советского транзита и имеет гарантии дополнительных советских заказов, актуализировало в эстонских политических и деловых кругах вопрос о торговом договоре с СССР. В начале июня 1927 г. секретарь полпредства Калужский сообщал в Москву: «<...> в последнее время торгово-промышленная палата усиленно занимается вопросами эстонской торговли с нами, и на этой почве между советом палаты, возглавляемым Пятсом, и правлением, возглавляемым Пухком, отношения стали несколько как бы обостряться. Правление в лице Пухка считает ненормальным представление нашим хозорганам возможности производить свободные от налогов внутригосударственные торговые операции. Пухк протестует против открытия нами складов и инвестирования в Эстонии нашего госкапитала <...> Совет палаты считает необходимым создание по инициативе правительства особой комиссии, которая должна будет изучить этот вопрос и разработать проект торгового договора, в основу которого нужно положить предоставление в СССР эстонским купцам тех же привилегий, которыми в Эстонии пользуются советские торговые органы, а также чтобы торговля не была монополизирована исключительно крупными фирмами в ущерб мелким»¹⁰.

«Наиболее выдающимся сторонником заключения хозяйственного договора между Эстонией и СССР является Константин Пятс», — сообщал в сентябре

⁸ ERA. 138-SM-1-24. L. 54-55.

⁹ Ibid. L. 12-13.

¹⁰ Ibid. L. 88.

1927 г. советский информатор в Таллине¹¹. В качестве обоснования желательности для советской стороны заключения этого договора служило следующее: «Для нейтрализации же внутренних враждебных сил, или вернее для уменьшения их влияния, громадное значение имеет открытие советско-эстонской границы для ввоза некоторого количества продуктов эстонского сельского хозяйства (масло, скот, мясные продукты, рыба и др.) на Ленинградский рынок. Рядом с чисто экономическим значением этого открытия границ, еще более было бы его моральное действие на крестьянство Эстонии. Благодаря даже частичному осуществлению этого средства большая часть крестьянства (крупного и среднего) несомненно изменила бы свое пассивно-отрицательное отношение к хозяйственному сближению с СССР — на положительное, а это в свою очередь должно было бы повлиять и на позицию влиятельнейшей местной партии — крестьянского союза, в этом вопросе»¹².

В силу комплекса причин в Москве неоднократно обращались к теме индустриализации Эстонии как к положительному фактору: рост численности промышленных рабочих обеспечил бы изменение социальной структуры эстонского общества, что сказалось бы на внутривластной ситуации. Процесс аграризации экономики Эстонии рассматривался как фактор, противоречивший внешнеполитическим интересам СССР. Именно этим было обусловлено внимание к речи эстонского министра финансов Антона Теетсова, произнесенной в феврале 1928 г., в которой подчеркивалась необходимость индустриализации Эстонии, по крайней мере нежелательность ее аграризации. Полпреду было рекомендовано через имевшиеся у него в деловом мире связи «поддерживать эту линию»¹³.

Советско-латвийский торговый договор побуждал эстонскую сторону всё чаще поднимать тему торгового договора с советскими представителями. В конце января 1928 г. член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков следующим образом отреагировал на это: «<...> по вопросу о торговом договоре и об усилении экономических взаимоотношений мы остаемся на прежней позиции. Надо эстонцев держать под впечатлением, что их враждебная нам позиция нейтрализует развитие экономических отношений. И с торговым договором не надо торопиться, даже если Эстония сама его предложит. И в этом случае придется дать согласие, но не надо проявлять заинтересованности»¹⁴. Стомоняков соглашался с мнением полпреда, что в перспективе советская экономическая пассивность в Эстонии является отрицательным фактором для политики СССР в балтийском регионе, но признавал: «К сожалению, однако, в ближайшее время невозможно рассчитывать на перемену в этом направлении из-за чрезвычайного

¹¹ ERA. 138-SM-1-24. L. 46.

¹² Ibid. L. 61-62.

¹³ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 06.02.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 9.

¹⁴ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.01.1928 // Там же. Л. 3.

сокращения нашего экспорта и вследствие этого также и импортного плана. Если вообще в этом отношении можно что-нибудь сделать, то, может быть, через нового торгпреда, который должен энергично ставить перед Наркомторгом конкретные предложения о приемлемых для нас импортных сделках в Эстонии <...> Полное умирание нашей импортной работы в Эстонии, конечно, не в наших интересах»¹⁵. Месяц спустя он подчеркивал: «<...> мы не заинтересованы в том, чтобы помогать Эстонии выйти из тех затруднений, в которые она попала благодаря своей односторонней ориентации на Польшу и против СССР и Германии»¹⁶.

Эстонская сторона весной 1928 г. дала понять, что вопрос о торговом договоре будет поднят. Данная тема стала постоянно присутствовать в письмах Стомонякова полпреду. «Образование весьма авторитетной эстонской комиссии для рассмотрения вопросов экономического сближения с СССР представляет для нас больше интереса в политическом, чем в экономическом отношении, — писал в конце марта Стомоняков, — <...> я весьма скептически настроен в вопросе о заключении торгового договора между нами и Эстонией. Даже если эстонцы откажутся от требования обеспечить за ними в той или иной форме определенный контингент заказов, торговый договор поставит нас сам по себе в затруднительное положение, поскольку по его заключении эстонская общественность будет вправе ожидать усиления наших заказов, а таковое при состоянии нашего экспорта почти невозможно <...> мы должны проявлять величайшую осторожность в разговорах о торговом договоре и отнюдь не поощрять эстонцев в форсировании этого вопроса»¹⁷.

Была более фундаментальная причина, обуславливавшая настороженность руководства НКВД и Наркомата внешней и внутренней торговли в вопросе о заключении торгового договора с Эстонией, чем напряженность экспортно-импортных планов. Стомоняков обстоятельно коснулся этого аспекта в письме Петровскому в конце апреля 1928 г.: «<...> что касается вопроса об урегулировании товарообмена <...> я не могу согласиться с Вашей точкой зрения о приемлемости для нас, ввиду незначительности Эстонии как рынка сбыта, идеи о нетто-балансе вместо контингентирования эстонского импорта к нам. Борьба всех капиталистических государств против нашей монополии внешней торговли выдвигает либо требование контингентирования наших заказов, либо принцип нетто-баланса. Нет за последнее время ни одних переговоров о торговом договоре, при которых наших контрагенты не выдвигали бы как основное требование либо предоставление контингентов, либо построение торгового договора на основе нетто-баланса. Это — программа-минимум, осуществление которой должно подготовить реализацию программы-максимум, т.е. уничтожение

¹⁵ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.02.1928 // Там же. Л. 10–11.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 26.03.1928 // Там же. Л. 21.

вообще монополии внешней торговли. Трудно сказать, что для нас наиболее опасно в каждый данный момент при заключении какого-нибудь торгового договора <...> Я лично думаю, что сравнительно более опасным является принцип нетто-баланса... Построение наших торговых отношений с Эстонией на принципе нетто-баланса, поскольку это был бы первый случай применения этого принципа в наших торговых отношениях с Западом, нанесло бы нам огромный ущерб, за границей усилило бы нажим на нас в сторону лишения нас преимуществ, которые дает нам монополия внешней торговли <...> Тут важно наличие прецедента, а не материальные размеры жертвы с нашей стороны»¹⁸.

Именно поэтому, когда в мае 1928 г. в эстонской прессе замелькали сообщения о возможности построения торгового договора на основе нетто-баланса, Стомоняков забил тревогу: «Не было ли неосторожных заявлений в частных разговорах со стороны представителей торгпредства или полпредства? Необходимо при случае в осторожной форме разъяснять эстонцам неприемлемость для нас этой базы, особенно ввиду того, что это было бы опасным прецедентом в наших отношениях с западными государствами»¹⁹. Когда месяц спустя из бесед с торгпредом в Эстонии И. А. Смирновым²⁰ Стомоняков сделал вывод о возможности уклониться от конкретного обсуждения темы торгового договора, он был явно обрадован: «Его [Смирнова] предложения, в общем и целом, производят разумное впечатление. Заключение соглашений с эстонскими фирмами о продаже наших экспортных товаров на комиссионных началах с тем чтобы на известную часть вырученной суммы эти фирмы доставляли нам эстонских товаров на определенных началах, представляется на первый взгляд политически целесообразным для эстонских условий. Насколько такие оценки целесообразны с точки зрения коммерческой, судить, конечно, по первому впечатлению невозможно». Ухватившись за эту инициативу, Стомоняков направил в НКВиВТ письмо, в котором в очередной раз поднял вопрос о снабжении Ленинграда и Ленинградской области продуктами эстонского молочного хозяйства «при условии уплаты за это продуктами нашего второстепенного экспорта. Разрешение этой проблемы хотя бы в известных размерах, конечно, имеет гораздо более политическое значение, чем раздача промышленных заказов Эстонии на гораздо большие суммы»²¹.

Стомоняков в течение почти всего 1928 г. не стремился увязывать решение проблем в этой сфере с достижением политических целей. Этот аспект двусторонних отношений приобрел для руководства НКИД актуальность только в кон-

¹⁸ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.04.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 29–30.

¹⁹ Письмо Б. С. Стомонякова Буравцеву, 21.05.1928 // Там же. Л. 33–34.

²⁰ Иван Александрович Смирнов занял пост торгпреда 18 января 1928 г., по профессии был булочником.

²¹ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, конец июня 1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 43.

це года, когда стали вестись переговоры о подписании протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога. Беспокойство в Москве вызывало усиление политического влияния Польши в Эстонии, для ослабления которого использование торговых связей считалось бессмысленным. В начале 1928 г. Стомоняков в письме полпреду подчеркивал: «Поскольку в ближайшем будущем нужно ожидать новых попыток польско-прибалтийского сближения, и в особенности еще более тесного сближения между Эстонией и Финляндией, прошу Вас обратить особое внимание на эту проблему и попытаться получить в Ревеле информацию о первых шагах Прокопе²² и Ребане²³ в этой области»²⁴. В конце января Стомоняков снова обратился к этой проблеме: «Я считал бы очень важным выяснить через Рейнинга и Пятса намерения Ребане и, по возможности, влиять через них на линию последнего. Особенно важно через указанных лиц внушать Эстпра, что мы “действительно не потерпим усиления Польши в Прибалтике и каких бы то ни было блоков с Польшей”. Поддержание такого убеждения в руководящих кругах Прибалтийских государств я считаю одной из наиболее действенных мер борьбы против образования польско-прибалтийского блока»²⁵. В Москве не склонны были довольствоваться «некоторым успокоением в эстонской прессе и примирительным в мелочах поведением» эстонского правительства. Это, считал Стомоняков, «не должно убаюкать нашей бдительности», так как, «несомненно, за кулисами происходят очень серьезные попытки тесного сближения Прибалтийских государств с Польшей»²⁶.

Раздражение в Москве вызвало выступление в парламенте Я. Тыннисона по случаю 10-летия независимости Эстонии. «Эстония проявляет в преследовании “политики барьера” гораздо бóльшую смелость, чем этого можно было ожидать, — констатировал Стомоняков. — Этот манифест является поистине провокационным, и надо изумляться глупости эстонских политиков, которые по такому случаю нашли уместным в столь резких выражениях противопоставлять себя Германии и СССР и манифестировать свою близость с Польшей. Я думаю, при таком состоянии умов в Эстонии самое большое недоверие к намерениям эстпра и величайшая бдительность являются уместными и необходимыми. <...> Учащающиеся манифестации эстонских политиков в пользу Польши вызывают подозрение, что тут дело не в одних симпатиях, а что, может быть, у Эстонии с Польшей имеются какие-то тайные соглашения»²⁷.

²² Юхан Ялмар Фредрик Прокопе (1889–1954) — министр иностранных дел Финляндии (1924–1925, 1927–1931), посланник в Польше (1926–1927).

²³ Ханс Ребане (1882–1961) — министр иностранных дел Эстонии (1927–1928), посланник в Финляндии (1931–1937).

²⁴ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 09.01.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 1.

²⁵ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.01.1928 // Там же. Л. 3.

²⁶ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.02.1928 // Там же. Л. 10.

²⁷ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 27.02.1928 // Там же. Л. 17–18.

Весной 1928 г. опасения по поводу усиления политического влияния Польши продолжали нарастать. Признавая наличие трений между государствами региона, Стомоняков, однако, считал, что «все эти затруднения затрудняют ход событий, но не устраняют самой опасности польско-прибалтийского блока, являющейся вполне реальной угрозой для нас ввиду наличия правых и фашистских правительств во всех пяти лимитрофах и особенно вследствие ухудшения нашего международного положения». Он полагал, что обострение отношений между Германией и Эстонией является благоприятным фактом, которым следовало воспользоваться, но «мы должны, конечно, соблюдать в Прибалтике известную осторожность в отношении Германии, интересы которой ее толкают иногда на совсем нежелательные для нас шаги»²⁸.

В то же время Петровскому удалось наконец выполнить пожелание руководства и, встретившись «на дому» с К. Пятсом, приватно переговорить с ним по ряду интересовавших советскую сторону вопросов. «В ответ на уверения Пятса об отсутствии каких бы то ни было тайных соглашений с Польшей, равно как и серьезных шансов на такие соглашения или союз с ней, я предложил ему убедить Ребане выступить публично с соответствующим заявлением <...> Пятс указал на затруднительность такого выступления, но обещал подумать об этом»²⁹.

Определенные нюансы в оценку внешнеполитического курса Эстонии советским политическим руководством вносил ИНО ОГПУ. В июне 1928 г. ИНО ОГПУ так оценивал экономическое и политическое положение Эстонии: «Основная линия эстонской внешней политики — ярко выраженная ориентация на Лондон и Варшаву — не изменилась ни с образованием нового кабинета, ни с назначением нового руководителя министерства иностранных дел — Ребане. Последний является (под влиянием заинтересованных промышленных кругов) сторонником нормализации экономических отношений с СССР и приверженцем политики «моста» (взгляд на балтийский союз государств как на мост, соединяющий Восточную Европу с культурным Западом, а не как барьер разделяющий Восток от Запада) <...> Наряду с официальной политикой министерства иностранных дел существует другая, руководимая Генштабом и министром внутренних дел Эстонии, тесно связанными с контрразведкой и генштабистскими представителями Антанты и Польши, работающими против СССР <...> Внешняя политика нынешнего правительства Эстонии базируется на двух основных моментах: 1) дружба с великими державами Запада, в первую очередь с Англией, с которой предполагаются более тесные хозяйственные отношения и 2) тесное сотрудничество балтийских государств, причем <...> в первую очередь идет стремление к заключению балтийского союза из трех государств — Литвы, Латвии и Эстонии, с тем чтобы затем притянуть

²⁸ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.03.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 13–14.

²⁹ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 17 марта 1928 г. // Там же. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54291. Л. 53.

еще и Польшу. Эта последняя политическая комбинация продиктована Форин офисом, в надежде таким образом легче ликвидировать польско-литовский конфликт и тем достигнуть фактического сотрудничества балтийских государств под руководством Польши <...> с Польшей отношения наилучшие <...> в последнее время среди торгово-промышленных кругов замечается сильное охлаждение симпатий к Польше, вызванное тем обстоятельством, что эстонско-польский торговый договор, так поспешно заключенный в 27 году, дал Эстонии одни лишь невыгоды. <...> С Англией с 1925 г. сложились такие отношения, что внешняя политика Эстонии фактически стала диктоваться лондонским Форин офисом. <...> Основными причинами неурегулированности эстонско-советских отношений являются: сильная зависимость Эстонии от антисоветской дипломатии и боязнь правящих кулацких групп Эстонии расширить промышленность страны посредством торгового договора с СССР, и общая политика правительства Эстонии с ярко выраженной ориентацией на деревню»³⁰.

В декабре 1928 г. в Эстонии было сформировано коалиционное правительство во главе с социалистом А. Реем. Оценивая ситуацию, Стомоняков писал Петровскому: «Кабинет Рея, судя по эстпечати, видимо, даже для эстонских условий, является на редкость бесцветным и вряд ли будет пользоваться сколько-нибудь значительным авторитетом в стране. От участия социалистов во главе правительства, по всем данным, ничего ждать не приходится <...> Допускаете ли Вы, что во внешней политике Эстонии произошли какие-либо изменения?»³¹ В полпредстве изменений не отмечали.

Настороженное отношение к возвращению темы торгового договора в НКВД сохранялось на протяжении всего 1928 г. В начале октября Стомоняков согласился с мнением полпреда о нежелательности приезда в Москву эстонской деловой делегации: «Мы, конечно, не заинтересованы в том, чтобы в настоящее время форсировать начало торговых переговоров»³². Правда, в своем следующем письме он уточнил позицию по вопросу о договоре: «Мы не заинтересованы в форсировании переговоров о торговом договоре постольку, поскольку с эстонской стороны могут быть выдвинуты требования, которые нам трудно было бы удовлетворить. Если бы, однако, Эстония была готова заключить нормальный договор на основе наибольшего благоприятствования, без предъявления специальных требований о заказах, о нетто-балансе и т.п. — мы, конечно, охотно пошли бы на заключение такого договора»³³. После формирования правительства А. Рея Стомоняков снова обратился к этой теме: «Не думаете ли вы, что при с[оциал-]д[емократическом] правительстве можно было бы хотя бы заключить торговый договор на базе наибольшего благоприятствования, плюс

³⁰ ERA. 138-SM-1-33. L. 100-106.

³¹ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 10.12.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 75.

³² Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 03(?) .10.1928 // Там же. Л. 59-60.

³³ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 15.10.1928 // Там же. Л. 62.

статьи об урегулировании положения торгпредства? Примерно на принципе: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Само собой разумеется, мы не должны делать такого предложения эстонскому правительству. Но, может быть, кто-нибудь из эстонцев вроде Рейнинга³⁴ мог бы поставить такой вопрос? Или вопрос о торговом договоре с нами не является актуальным до выяснения результатов новых выборов?»³⁵

Помимо вопроса о торговом договоре в советско-эстонских отношениях особое место в это время стали занимать еще две темы — так называемая концессия Нарвского водопада и образование смешанного общества по торговле нефтепродуктами. В конце января 1928 г. эстонское правительство обратилось к вопросу о предоставлении концессии иностранным инвесторам на использование гидроресурсов р. Нарова. Данный вопрос заинтересовал советскую сторону. В соответствии с п. 1 приложения III к ст. 16-й Мирного договора с Эстонией РСФСР предоставлялось «преимущественное право на получение электрической силы от использования водопадов р. Наровы», напоминал полпреду Стомоняков, в силу чего он считал необходимым потребовать от Эстонии ознакомления с условиями, на которых предполагалась «сдача этой концессии английским капиталистам». «Само собой разумеется, что у нас нет ни средств, ни охоты брать эту концессию, — писал Стомоняков, — и речь идет только о том, чтобы использовать упомянутое право, либо для того чтобы расстроить английское предприятие, вообще нам нежелательное, поскольку речь идет либо о постройке английской станции у самой нашей границы, либо о том, чтобы использовать предоставленное нам мирным договором право для некоторого политического нажима на эстонцев»³⁶. Последовавшее обсуждение вопроса на коллегии НКВД завершилось тем, что пришли к заключению: «<...> лучше сейчас не выставлять никаких требований, а использовать в будущем момент игнорирования эстонцами мирного договора, когда они будут предъявлять нам всевозможные претензии на основании мирного договора»³⁷.

Казалось, тема для Москвы утратила актуальность. Однако в конце марта советская сторона неожиданно изменила свою позицию. 17 марта полпред Петровский сообщил в Москву: «В последнее время внимание близких нам кругов привлек вопрос о Нарвском водопаде. Идея об его использовании, являющаяся любимым детищем Теннисона³⁸, не встречала здесь до сих пор особенного сочувствия, ввиду невозможности ее реализации силами самих эстонцев <...>

³⁴ Рудольф Каарел Реннинг (1878–1961) — исполнительный директор Эстонско-Советской торговой палаты. В 1927 г. он опубликовал брошюру по вопросу о рынках сбыта эстонской промышленности (*Renning R. Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a.* Tallinn, 1927).

³⁵ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 10.12.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 78.

³⁶ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 30.01.1928 // Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 9.

³⁸ В переписке эстонского политика Яана Тыниссона упорно именовали Теннисоном.

несколько времени тому назад ко мне обратился Реннинг и передал мне, что найдена подходящая база нашего сотрудничества в этом деле. Этой базой является эксплуатация лесных массивов по обе стороны границы для переработки их в древесную массу <...> Ознакомившись с этим проектом, я пришел к заключению, что он представляет для нас несомненный интерес, равно экономический, как и политический. Не требуя от нас никаких затрат, он дает нам возможность рационального использования наших лесных богатств в этом районе и получение древесной массы для внутреннего потребления и эвентуального вывоза <...> при известных условиях, которых мы легко могли бы добиться, он поставил бы в зависимость от нас большое и государственно важное предприятие Эстонии, что явилось бы весьма серьезным средством усиления нашей позиции здесь вообще, и нашего нажима — в случае надобности»³⁹.

Реакция из Москвы последовала незамедлительно. «Тот оборот, который приняли в последнее время долголетние разговоры о совместном использовании энергии Нарвского водопада, представляет очень большой интерес для будущего наших отношений с Эстонией, — подчеркивал Стомоняков. — Использование этой энергии заранее было обречено на неудачу, поскольку имелась в виду продажа нам энергии и вывоз валюты из СССР, но использование становится реально осуществимой задачей, поскольку оно связывается с нашим экспортом»⁴⁰. В Москве «в спешном порядке» занялись проверкой наличия экономических предпосылок для осуществления эстонского проекта. Конкретно речь шла о поставках советского леса на перерабатывающие предприятия Эстонии, источником энергии для функционирования которых и служили бы гидроресурсы р. Нарова.

В Москве попытались выяснить, «действительно ли у Чудского озера имеются леса, наиболее целесообразным использованием которых является получение из них балансов (папиргольца)». Однако и в этом случае обращалось внимание не столько на возможные экономические дивиденды, сколько на политические. Признавалось, что политическое значение осуществления эстонского предложения очень велико⁴¹. В НКИД не упускали из виду и существенное препятствие для достижения успеха — политическое руководство СССР, а также НКВиВТ не согласились бы с предложением о каком-либо участии капиталом в этом деле. Свободных валютных резервов для этого не было. Явные политические дивиденды тоже не просматривались. Помимо возможных затрат на инвестиции имелись и другие препятствия. Изучение вопроса показало, что «лесные ресурсы всей прилегающей области определяются приблизительно в размерах, которые по проекту должны послужить для переработки

³⁹ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 17.03.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54291. Л. 49–50.

⁴⁰ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 26.03.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 20–21.

⁴¹ Там же.

электроэнергией Нарвского водопада. Но так как в Ленинградской области имеется большая писчебумажная промышленность, то “Экспортлес”, имеющий фактическую монополию нашего лесного экспорта, полагает, что для переработки энергии Нарвского водопада могло бы остаться всего лишь несколько тысяч куб. сажень балансов, в то время как по эстонскому проекту требуется 60 тыс. куб. сажень»⁴². Со стороны НКИД была проявлена достаточная настойчивость, чтобы оценка объемов возможных балансов была пересмотрена. В конце мая 1928 г. поверенный в делах СССР в Эстонии М. В. Буравцев был извещен, что ВСНХ признал: вблизи эстонской границы имеется более чем достаточное количество балансов для экспорта⁴³.

Вскоре, однако, выявилось изменение позиции эстонской стороны, так как интерес к каскаду на Нарове проявили не только английские, но и германские компании. В начале августа исполняющий обязанности члена коллегии НКИД С. С. Александровский писал полпреду: «<...> по вопросу о Нарвском водопаде создается впечатление, что эстонцы не спешат с ним. Не спешим и мы, однако нужно сделать так, чтобы у них не создавалось впечатления, что затяжка происходит по нашей вине. У нас же разработка этого вопроса не продвигается»⁴⁴. Неизбежность появления иностранного концессионера вынуждала советскую дипломатию к поиску компромиссных вариантов. Процесс затянулся до весны следующего года и потребовал выяснения позиции высшего политического руководства СССР. 30 апреля 1929 г. на совещании председателя СНК СССР и СТО А. И. Рыкова с его заместителями было принято положительное решение, утверждение которого потребовало санкции Политбюро. 3 мая Политбюро заслушало Рыкова и Стомонакова по этому вопросу⁴⁵. О результатах состоявшейся дискуссии Стомонаков известил полпреда: «НКИД поручено довести до сведения Эстпра о готовности Совпра обеспечить снабжение Нарвского комбината древесным сырьем на всё время концессии, т.е. в пределах до 30 тыс. куб. саж. в течение от 20 до 30 лет. Нашим основным условием является заключение договора о поставке балансов от правительства к правительству. Мы заинтересованы в том, чтобы возможные разногласия по данному договору разрешались только в дипломатическом порядке, а не посредством третейского суда, как это было бы, несомненно, если бы договор был заключен совпра с Нарвским концессионером или, что еще хуже, каким-нибудь нашим хозорганом с этим концессионером <...> Надо сообщить эстонцам, что одним из условий заключения нами сделки о доставке балансов является предварительное соглашение с нами о национальности концессионера. При переговорах мы захотим, конечно, обезопа-

⁴² Письмо Б. С. Стомонакова А. М. Петровскому, 09.04.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 23.

⁴³ Письмо Б. С. Стомонакова М. В. Буравцеву, 21.05.1928 // Там же. Л. 33.

⁴⁴ Письмо С. С. Александровского А. М. Петровскому, 07.08.1928 // Там же. Л. 48.

⁴⁵ Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 158.

сить себя от того, чтобы концессия из рук приемлемого для нас концессионера не перешла очень скоро в руки какой-нибудь враждебной нам группы. Дальнейшим условием для заключения сделки является погашение наших обязательств из мирного договора о предоставлении Эстонии лесных концессий. Это требование, однако, нужно выдвинуть как-нибудь мимоходом, не вызывая у эстонцев представления, будто мы считаем стеснительными эти обязательства, из которых одно (по секретному письму тов. Иоффе) уже автоматически погашено, а другое (по самому мирному договору) не представляет никакой выгоды для самой Эстонии и не сможет быть ею использовано. Само собой разумеется, при переговорах в Москве будут выдвинуты также и дополнительные условия»⁴⁶. Из сообщений Стомонякова, как и из протоколов междуведомственных совещаний, следовало, что вопросы создания необходимой инфраструктуры для масштабных лесоразработок на прилегающих к Чудскому озеру территориях, а также вопросы обеспечения необходимой рабочей силой не ставились. Складывается впечатление, что главным являлось прежде всего достижение некоей договоренности, блокирующей доступ к концессии нежелательных акционеров, тогда как практическая реализация таковой не обременяла раздумьями.

Когда месяц спустя руководству НКИД удалось договориться с главой НКВиВТ А. И. Микояном о формировании состава советской делегации для переговоров с приезжающей в Москву эстонской делегацией для подписания договора о поставке балансов, Стомоняков явно был встревожен полученной из Таллина информацией: «Мне непонятно Ваше сообщение о том, что немцы еще до получения концессии от эстпра создали уже “специальное общество” с участием западных фирм и с большим капиталом для эксплуатации Нарвской концессии. Поелику возможно, надо воздействовать на немцев в том направлении, чтобы они “подняли” это дело без французов»⁴⁷. Хотя летом 1929 г. тема проведения переговоров сохранялась в повестке дня, однако они так и не состоялись. В октябре 1929 г. исполнявший обязанности члена коллегии НКИД Юренин констатировал в письме полпреду: «Из всех Ваших сообщений явствует, что осуществления намечавшейся ранее желательной для нас комбинации в деле эксплуатации Нарвского водопада в ближайшее время ожидать не приходится. Во всяком случае, хорошо, что в силу принятых Вами мер грозившая скоропалительная передача концессии английской группе, по крайней мере, отсрочивается»⁴⁸.

Эстонская сторона время от времени пыталась заинтересовать Москву проектами по использованию Нарвского водопада. В марте 1930 г. в беседе с полпредом Ф. Ф. Раскольниковым Пятс предложил построить эстонско-советский завод по производству селитры с ее последующей реализацией в Латвии,

⁴⁶ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 33–34.

⁴⁷ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, [начало июня] 1929 // Там же. Л. 43.

⁴⁸ Письмо Юренина А. М. Петровскому, 21.10.1929 // Там же. Л. 68.

Литве и Финляндии. Однако не то что до реализации, но и до сколько-нибудь конкретного обсуждения этого проекта дело никогда не дошло. Само это предложение не могло не вызывать недоумения в Москве.

На протяжении нескольких лет в советско-эстонских отношениях шло активное обсуждение темы создания смешанного общества для торговли нефтепродуктами. С середины 1920-х гг. нефтепродукты в Эстонии реализовывало представительство Нефтесиндиката. В 1927/1928 хозяйственном году на эстонском рынке было реализовано 10,6 тыс. т нефтепродуктов, что соответствовало 0,37% валютной выручки Нефтесиндиката⁴⁹. 18 ноября 1929 г. на объединенном заседании Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ состоялось обсуждение вопроса «О результатах обследования дела реализации советских нефтепродуктов в Эстонии». Присутствовавшие констатировали «наличие бесхозяйственности в деятельности отделения Нефтесиндиката в Эстонии, выразившейся в незнании и оторванности его от рынка, в допущении роста нездоровой дебиторской задолженности и чрезмерном увеличении сроков ее погашения, незаконной отсрочке платежей... хаотическом состоянии расчетов»⁵⁰. В апреле 1931 г. председатель Всесоюзного объединения по экспорту нефти и нефтепродуктов «Союзнефтеэкспорт» К. С. Рябовол докладывал в ЦКК и Планово-контрольный сектор НК РКИ, что вопрос об образовании такого общества «с привлечением влиятельных политических и коммерческих лиц отпал, так как на совещании Наркоминдела с участием представителей Наркомторга, «Союзнефти» и торгпреда т. [А. А.] Деда было признано нецелесообразным образование такого общества»⁵¹. Руководство Союзнефти считало, что «правильным методом торговли» следовало считать переход на торговлю через собственный распределительный аппарат (внутренние склады, бензоколонки), так как это позволяло избавиться от прежних контрагентов, «весьма слабых в финансовом отношении». Кроме того, Союзнефтеэкспорт столкнулся с конкуренцией со стороны Ройял Датч / Шелл и Стандард Ойл.

Если вернуться к проблеме заключения торгового договора, то позиция руководства НКИД претерпела резкие изменения во время переговоров о подписании протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога⁵², тянувшихся с осени 1928 до весны 1929 г. Подписание торгового договора стало руководством НКИД рассматриваться в качестве одной из предпосылок для улучшения двусторонних политических отношений. Постоянное согласование Эстонией с Польшей позиции в вопросе о подписании протокола, стремление выступать «единым блоком» с Варшавой, Ригой и Хельсинки вызывало

⁴⁹ Нефтяная торговля СССР в 1927/28 операционном году. М., 1929. С. 108.

⁵⁰ Выписка из протокола № 50 объединенного заседания Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ, 18.11.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3251. Л. 7.

⁵¹ Записка К. С. Рябовола в ЦКК и НК РКИ, 07.04.1931 // Там же. Л. 1.

⁵² Подробнее см.: Кен О. Н., Рупасов А. И. Московский протокол или «Варшавский пакт»? // Россия в контексте мировой истории. СПб.: Наука, 2002. С. 223–233.

раздражение в Москве. Литвинов, выступивший инициатором переговоров, впервые за несколько лет столкнулся с едва ли не с консолидированной негативной оценкой своих действий со стороны политического руководства СССР, недовольного явным ростом политического влияния Польши в регионе.

Позицию эстонской стороны в отношении протокола Петровский характеризовал следующим образом: «Продолжение моих разговоров на тему о советском протоколе еще больше подтвердило полную растерянность эстонцев и их желание во что бы то ни стало оттянуть или вообще избавиться от разрешения этого вопроса <...> никто не умел занять определенной позиции и выявить ясное и определенное отношение к нашему предложению»⁵³. Через несколько дней после подписания протокола в Москве Петровский писал: «Я не сомневаюсь в том, что, затягивая подписание протокола, Польша действовала в согласии с эстонцами или по крайней мере в расчете на них <...> Для меня самым ярким полонофильским моментом во всем этом деле явился тот факт, что Эстония готова была пойти даже раздельно от Финляндии и Латвии, лишь бы подписать вместе с Польшей. <...> Во всяком случае, с основным Вашим выводом о преобладающем влиянии поляков на эстонскую политику я вполне согласен»⁵⁴. Полпред констатировал: «Мы сумели за два истекших года создать очень хорошие связи с эстонцами и сильно приблизить их к себе. Но и до последнего опыта я ни на минуту не льстил себя надеждой на то, чтобы мы могли проводить здесь свою политическую линию, опираясь на определенную поддержку этих кругов. В этом отношении наше положение здесь куда хуже, чем положение в Латвии <...> Ведь мы не можем не исходить из того, что основным настроением Эстонии — как и всякой другой буржуазной страны — по отношению к нам является не дружба, а ненависть. И отнюдь не требуется какое-нибудь враждебное воздействие третьей стороны для того, чтобы Эстония выступила не в угоду нам, а в угоду другим. Наоборот, нужно длительное и упорное наше воздействие для того, чтобы смягчить основную враждебность и добиться благорасположения <...> Нам кажется странным, почему Эстония идет с Польшей, а не с нами. Действительно, ее полонофильство логически трудно оправдать, но чем же можно было бы оправдать ее советофильство, или хотя бы даже единичное присоединение к нашей точке зрения в противовес польской? <...> Эстония может просто, без особых видимых оснований, дружить с любым государством, но ясно, что не будет без особых оснований дружить с нами. Мы за дружбу должны платить равно Эстонии, как и любому другому буржуазному государству. А чем же мы платим Эстонии? На чем должна базироваться дружба к нам эстонских общественных и политических кругов, если даже наша экономическая роль здесь... постепенно сводится к нулю?»⁵⁵ 9 февраля представителями СССР, Польши, Румынии и Эстонии протокол всё же был подписан.

⁵³ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 24.01.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 5.

⁵⁴ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 21.02.1929 // Там же. Л. 15.

⁵⁵ Там же. Л. 16–17.

До этого события, в конце января 1929 г. полпред Петровский обстоятельно высказался в докладе руководству по проблеме торгового договора: «<...> я должен указать на то, что пойти хоть и в некоторой степени навстречу эстонцам нам придется даже и независимо от торгового договора. Дело в том, что — несмотря на “казенное” благополучие — в наших экономических отношениях с Эстонией имеются и весьма беспокоящие моменты. Наш импорт из Эстонии стремительно падает, и с 10,33 млн эст. крон в 1925 году и 12,38 миллионов крон в 1926 году он упал до 6,65 млн крон в 1927 году и, по плану, должен еще уменьшиться наполовину в текущем. В процентном отношении к общему вывозу Эстонии мы сократились с 10,7% в 1925 г. и 12,9% в 1926 году до 6,3% в 1927 г., и таким образом предположительно до 3% в 1928 г. <...> Вы легко убедитесь в опасности, грозящей нашим отношениям с Эстонией, в результате той потери почвы, которая иллюстрируется этими цифрами. Одновременно наш экспорт в Эстонию показывает повышательные тенденции и с 4,4% общего ввоза Эстонии в 1925 г. и 7,5% в 1926 году доходит до 9,1% в 1927 и еще предположительно повысится в текущем году. В результате мы наш пассивный баланс с Эстонией превратили в активный, а именно на 35,73% в истекшем и — по плану — на 52,16% в текущем году. Вы когда-то говорили мне, что являетесь противником нашего активного баланса с балтами. Я вполне разделяю Ваше мнение и считаю, что ничтожная реальная польза (ввиду малого масштаба оборотов) от такой активности баланса отнюдь не компенсирует того большого политического вреда, который получится в результате ее»⁵⁶. Петровский высказывал озабоченность тем, что «начинающее сказываться недовольство будет расти, сможет радикально испортить наши медленно налаживающиеся отношения, и, в конце концов, заставит нас пересмотреть наши позиции». Он предлагал не ждать этого момента⁵⁷.

Месяц спустя Петровский так оценивал экономическую ситуацию в Эстонии: «Экономическое положение Эстонии с каждым днем ухудшается. К последствиям недорода присоединились теперь тяжелые результаты сильных холодов, в результате которых почти приостановилось пароходное движение, а вместе с ним и экспорт эстонских сельскохозяйственных продуктов <...> В особенно тяжелом и даже трагическом положении в результате недорода

⁵⁶ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 24.01.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 8–9.

⁵⁷ Там же. Л. 9. Инспектор ЦКК Абезгауз, занимавшийся проверкой деятельности торгпредства и взаимодействием торгпредства и полпредства, следующим образом оценивал полпреда Петровского: «Несмотря на то что проживает в Эстонии около 5 лет, слабо знаком с коммерческими кругами и торговой жизнью страны и, по личному признанию, ничего в торговых делах не смыслит, однако несмотря на это претендует чуть ли не на руководство всеми торговыми операциями... Болезненный, мнительный, полный сомнения, желает играть первую скрипку... жена полпреда занимается контрабандными операциями и перевозкой валюты во время своих поездок в Москву» (Записка Абезгауза члену Президиума ЦКК ВКП(б) Б. А. (И. А.) Ройзенману, 09.11.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3254. Л. 13).

и наводнения очутилось окраинное русское население, помощь которому оказывается государством в совершенно недостаточных размерах»⁵⁸.

Заключением торгового договора руководство НКИД явно рассчитывало нивелировать негативные последствия роста польского влияния после зимних переговоров о протоколе. Более чем сдержанное отношение со стороны НКВиВТ к желанию НКИД пойти на значительное увеличение размещаемых в Эстонии советских заказов потребовало личной встречи Стомонякова с Микояном. В ходе состоявшегося 6 апреля 1929 г. обсуждения противоречия между наркоматами были в основном сняты. Это позволило им обратиться к высшему политическому руководству за санкцией на проведение переговоров. 18 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило принять предложение Эстонии о заключении торгового договора, ведение переговоров возлагалось на полпреда Петровского и торгпреда Смирнова. Поскольку деловые качества и первого, и второго оценивались не очень высоко, состав делегатов был усилен начальником торгово-правового управления НКВиВТ М. Я. Кауфманом и заведующим торговым подотделом Экономическо-правового отдела НКИД Б. Д. Розенблюмом. В эстонскую делегацию вошли К. Пятс, П. Пиип, К. Варма и М. Хурт.

То, с какой скоростью продвигался переговорный процесс, вызывало неподдельное удивление Стомонякова. Уже через два дня после начала переговоров он констатировал: «Судя по полученным от Вас телеграммам, переговоры идут очень благоприятно и позволяют ожидать скорого заключения торгового договора. Вы имеете по всем вопросам директивы, и я не буду в сегодняшнем письме останавливаться на этой стороне дела. Отмечу лишь общую директиву, что делегации предоставляется право в интересах скорого заключения торгового договора самой отступать от первоначальных позиций на позиции торговых договоров, заключенных нами с другими западными странами, за исключением специальных льгот, данных нам Латвии и Германии». Однако, предоставляя делегации возможность для широкого маневра, Стомоняков делал существенную оговорку: «Само собой разумеется, надо самым решительным образом отвергать все и всякие попытки эстонской делегации путем поправок и дополнений к другим статьям торгового договора протащить “принцип взаимности” или “принцип равновесия” товарооборота»⁵⁹. Самая серьезная уступка, на которую могла пойти делегация, касалась вопроса об отказе торгпредства от розничной торговли: «...в принципе решено пойти на известную уступку Эстонии, заявив в протоколе заседания (но не в заключительном протоколе), что торгпредство, как правило, не занимается и не предполагает заниматься розничной торговлей <...> Когда эстонцы поставят это требование, надо сперва попытаться отклонить его со ссылкой на то, что этим требованием эстонцы хотят создать исключительный режим для нашего торгпредства, лишая его некоторых прав,

⁵⁸ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 21.02.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 19.

⁵⁹ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 31.

которыми пользуются все другие иностранные фирмы в Эстонии. Поскольку эстонцы будут дальше настаивать на своем требовании, надо будет еще указать на то, что их неуступчивость непонятна, поскольку торгпредство не занимается розничной торговлей, и на то, что с этой стороны эстонской торговле никакой опасности не угрожает. Если эстонцы всё же будут настаивать... то делегации надо будет заявить, что она должна запросить инструкцию в Москве, и при этом предупредить, что этот вопрос является очень серьезным не потому, что торгпредство имеет в виду заниматься розничной торговлей, или что мы вообще в ней заинтересованы, а потому что это эстонское требование пахнет дискриминацией нашей торговли в Эстонии <...> Уступку по этому вопросу надо будет сделать в самый последний момент»⁶⁰.

Настоятельная желательность наращивания объемов двусторонней торговли руководством НКВД сознавалась, но реальные возможности для этого отсутствовали. «Я вполне согласен с Вами о необходимости в ближайшее время после заключения торгового договора поместить в Эстонии ряд заказов для того, чтобы показать правильность ориентации нынешнего эстпра на экономическое сближение с СССР, — писал Петровскому Стомоняков. — К сожалению, однако, письмо т. Смирнова, написанное в результате указания, полученного Вами от тов. Микояна, до сих пор не получило надлежащего продвижения в Наркомторге. Я говорил сегодня с тов. Шлейфером, который сообщил мне, что он дал распоряжение поискать возможность выдачи заказов на оборудования для холодильников заводу Круля в сумме 100 тыс. руб.»⁶¹ (Стоит заметить, что этого заказа так и не последовало.)

Поздравляя Петровского с подписанием 17 мая 1929 г. торгового договора, Стомоняков рассматривал свершившееся не только как акт, имеющий политические последствия для двусторонних отношений, а как документ, оказывающий воздействие на весь комплекс взаимоотношений с лимитрофами: «Положительное экономическое значение договора невелико. Если, однако, мы не внесем в него при его применении достаточно экономического содержания, то он может сыграть серьезную отрицательную роль и облегчит работу наших противников как в Эстонии, так и в некоторых других лимитрофах, прежде всего, в Финляндии и в Польше, не имеющих с нами торговых договоров <...> Уменьшение голосов правительственной коалиции в Эстонии на последних выборах вызывает некоторые опасения за ратификацию торгового договора, в особенности за скорую ратификацию <...> чтобы укрепить шансы нынешнего всё же более расположенного эстпра, я считаю необходимым, чтобы уже в самом ближайшем будущем в Эстонию были выданы заказы и через Ревель были направлены значительные партии наших грузов. В этом смысле я вновь буду говорить с тов. Микояном»⁶².

⁶⁰ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 31–32.

⁶¹ Там же. Л. 35.

⁶² Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 20.05.1929 // Там же. Л. 39–40.

Отвечая руководству, полпред писал: «В наших отношениях с Эстонией наступил, вне всякого сомнения, переломный момент. Заключенный договор, в зависимости от того, как мы будем поступать в дальнейшем, может превратиться в чрезвычайно важный стимул переориентировки широких кругов эстонской общественности. Сам по себе он, разумеется... еще таким фактором не является, но такой фактор можно из него сделать. Для этого необходимо пойти на расширение нашей экономической работы здесь <...> почтить теперь на лаврах означало бы окончательную дискредитацию сторонников сближения с нами и сторонников отхода от однобокой сельскохозяйственной ориентации»⁶³.

За подписанием торгового договора, на заложенный в котором потенциал для наращивания объемов двусторонней торговли и советского транзита через Эстонию рассчитывала по крайней мере часть эстонских деловых кругов и политиков, последовало, однако, весьма резкое изменение торгового баланса в неблагоприятную для Эстонии сторону (табл. 1). В Москве только после подписания договора обратились к практической проработке «в спешном порядке» практических вопросов. В Наркомвнешторге должны были созвать специальное «эстонское совещание» у замнаркома И. О. Шлейфера. До этого совещания Стомоняков выражал надежду, что «если не все, то значительная часть предложений, выдвинутых для обеспечения ратификации торгового договора и для усиления экономических отношений с Эстонией в результате заключения этого договора, будет принято и проведено в жизнь»⁶⁴.

В конце июня 1929 г., оценивая реакцию в Эстонии на заключение торгового договора, в ИНО ОГПУ констатировали: «Сведения о заключении Эстонии торгового договора большинством эстонского общества были приняты очень враждебно. Все, кроме социалистов, признают, что эстонская политика потерпела новое тяжелое поражение. В политических кругах заметно какое-то уныние»⁶⁵. Предпринятые со стороны НКВД шаги дали некоторые результаты. Была достигнута договоренность с НКВВТ, что в Эстонии будут размещены заказы на 0,5 млн руб., что, по словам торгпреда Смирнова, способно было произвести благоприятное впечатление на эстонское общественное мнение. На следующий хозяйственный год (октябрь 1929 — сентябрь 1930) было решено разместить заказов на 3 млн руб., но советская сторона не готова была идти на наращивание объемов транзита через эстонские порты, так как это лишало части транзита Ленинградский и Мурманский порты. «НКВД не может на этом настаивать», — признавал Стомоняков. Правда, на следующий год НКВВТ вроде бы соглашался предоставить Таллинскому порту транзит 80–100 тыс. т грузов⁶⁶.

⁶³ Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 23.05.1929 // Там же. Д. 54296. Л. 40.

⁶⁴ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, [03].06.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 43.

⁶⁵ ERA. 138-SM-1–35. L. 107.

⁶⁶ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 17.06.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 46.

Все усилия НКИД грозили оказаться напрасными. В июле было сформировано правительство во главе с О. Шtrandманом, а иностранную комиссию парламента возглавил Я. Тыниссон. В Москве считали, что за этим неизбежно последует усиление польского влияния и возникновение новых трений в советско-эстонских отношениях. Под вопросом оказывалась ратификация в эстонском парламенте торгового договора. «<...> если эстонцы к моменту обсуждения торгового договора в парламенте ознакомятся с текстом нашего договора с Грецией и с известными полуофициальными сообщениями греческой прессы о нашем обязательстве выдать заказы на известную сумму после вступления в силу торгового договора <...> — нам, может быть, придется принести в жертву торговый договор с Грецией, чтобы спасти торговый договор с Эстонией», — сообщал Стомоняков полпреду⁶⁷. Последовавшая спустя полторы недели ратификация договора Эстонией (договор вступал в силу 19 сентября) поставила перед Москвой вопрос о направлении в Эстонию делегации экспертов для оценки возможностей размещения заказов на промышленные изделия. Выводы упомянутой делегации экспертов не особо заинтересовали руководство НКВиВТ, хотя в конце августа в Москву специально приехал Рудольф Реннинг, директор Эстонско-Советской торговой палаты, темой переговоров которого должны были стать конкретные предложения, вытекающие из рекомендаций делегации и подготовка возможного приезда эстонской делегации. Временно исполнявший обязанности начальника 1-го Западного отдела НКИД С. Боркусевич мог только выражать надежду в письме поверенному в делах Буравцеву: «Мы принимаем меры к скорейшему продвижению этого вопроса и будем настаивать на том, чтобы обещание экспертов относительно дачи определенных конкретных заданий эстпромышленности было бы в возможно краткий срок выполнено»⁶⁸.

Несмотря на явный оптимизм, вызванный в Москве подписанием договора с Эстонией, по прошествии всего двух месяцев после обмена ратификационными грамотами Стомоняков писал Петровскому: «Положение с выдачей заказов в Эстонии в высшей степени неудовлетворительно и угрожает серьезными осложнениями. К сожалению, за неделю своего пребывания в Москве я не имел возможности встретиться с тов. Микояном и смогу иметь с ним обстоятельную беседу, по всей вероятности, лишь после пленума ЦК партии. Отношение аппарата Наркомторга к этому делу, по-видимому, совершенно неудовлетворительное»⁶⁹. Единственное, на что один из руководителей НКИД рассчитывал в тот момент — выяснение возможности выдачи заказа «Металлоимпортом» на несколько буксиров. Надежды на возможность внесения вопросов о размещении заказов в Эстонии в Политбюро, высказывавшиеся Стомоняковым в конце ноября, полностью истаяли в декабре. Планировавшееся

⁶⁷ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 15.07.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 53.

⁶⁸ Письмо С. Боркусевича Буравцеву, 26.08.1929 // Там же. Л. 60.

⁶⁹ Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 06.11.1929 // Там же. Л. 70.

заседание в НКВиВТ под руководством Хинчука, без принятия конкретных решений которым не стоило и пытаться обращаться к высшему политическому руководству за санкцией, так и не состоялось. «На мои неоднократные устные и письменные обращения к т. Хинчуку я получаю при встречах ответ, что он вполне понимает важность вопроса и необходимость скорее его разрешить, но, вследствие чрезмерной перегрузки, фактически он лишен возможности сделать это до настоящего времени и надеется заняться вопросом в ближайшем будущем... Печально, но — факт», — сообщал Стомоняков⁷⁰.

Таблица 1

Объемы эстонско-советской торговли в 1926–1933 гг.⁷¹

Годы	Экспорт в СССР	Импорт из СССР	Оборот	Баланс
1926	12381	7121	19502	+5260
1927	6652	8775	15427	-2123
1928	5496	4939	10435	+557
1929	2801	5203	8004	-2402
1930	4301	9136	13437	-4835
1931	3271	6906	10177	-3635
1932	188	2090	2278	-1902
1933	885	1760	2615	-905
1934	1690	2387	4077	-697

В рассматриваемый период по основным экспортно-импортным статьям произошли следующие изменения. Поставки из Эстонии в СССР живого скота прекратились в 1926 г. После подписания торгового договора закупки советской стороной скота возобновились, но если в 1931 г. его экспортировали в СССР на 700 тыс. крон, то в 1933 г. всего на 2 тыс. (в 1932 г. поставок не было). За все эти года Эстония продала масла в СССР всего на 1 тыс. крон в 1932 г. Продажа рыбы также не была значительной статьей экспорта — в 1927 г. — на 23 тыс. крон, в 1929 г. — на 21 тыс., в 1930 г. — на 19 тыс. Экспорт мяса и мясных продуктов в 1930 г. составил 3 тыс. крон, в 1932 г. — 97 тыс., в 1933 г. — 536 тыс. В 1933 г. впервые советская сторона закупила необработанной кожи на 313 тыс. крон, но при этом в течение 1932–1933 гг. не закупала обработанной кожи, ранее составлявшей одну из основных статей эстонского экспорта (в 1926 г. ее было закуплено более чем на 2,1 млн крон). Экспорт бумаги сократился с 7,992 млн крон в 1926 до нуля в 1933 г. Если в 1926 г. экспорт текстиля оценивался в 2,18 млн крон, то последующие его закупки были совершены только в 1930 г. — на 206 тыс. крон⁷².

⁷⁰ Письма Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 27.11, 17.12.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 73, 75.

⁷¹ *Pihlamägi M.* Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004. L. 313.

⁷² *Ibid.* L. 314.

Экспорт СССР в Эстонию также в 1926–1933 гг. претерпел существенные изменения. Так, если в 1926 г. экспорт зерна составил почти 4 млн крон, а в 1927 г. превысил 5,6 млн, то в 1928 г. упал до 274 тыс., а в 1929 г. — до 9 тыс. крон. Резкий подъем экспорта зерна в 1930 г. — до 3,68 млн крон, сменился уже в следующем двукратным падением, а в 1932 и 1933 гг. полностью прекратился. Тот же процесс имел место и с экспортом гороха: достигнув максимума в 1928 г. (605 тыс. крон), в 1932 г. он по стоимости составлял только 5 тыс., полностью прекратившись в 1933 г. Важной статьёй советского экспорта был сахар. Однако если в 1928 г. он в стоимостном выражении составлял 846 тыс. крон, а после двукратного падения 1930 г. в 1931 г. достиг почти миллиона крон, то в 1933 г. был полностью прекращен. Постепенно возраставший экспорт керосина (в 1926 г. — 582 тыс. крон, в 1930 г. — 1,04 млн крон) к 1933 г. сократился почти втрое. Пик экспорта бензина был достигнут к 1930 г. (562 тыс. крон), но в 1933 г. его ввоз в Эстонию сократился втрое⁷³.

Плановые показатели советского экспорта в Эстонию никогда не выполнялись. Даже в относительно благополучный, предшествующий началу мирового экономического кризиса год. Согласно «Краткому отчету о деятельности торгпредства в Эстонии за 1927/1928 операционный год», «подавляющая часть экспорта выпадала на сахар — 800 тыс. ам. долларов (78% всего плана), однако «Сахартрест» понизил количество отпускаемого сахара до 3900 т (39% плана — меньше на 6100 тонн)», поэтому общий план экспорта в Эстонию сократился с 1028 тыс. до 540 тыс. долларов. Фактически объемы экспорта в 1926–1927 операционном году и 1927–1928 операционном году в стоимостном выражении почти совпали — 0,55 и 0,558 млн долларов⁷⁴. Показательным было выполнение экспортного плана по зерновым в том же 1927/1928 операционном году (табл. 2).

Таблица 2

Выполнение советских экспортных планов в торговле с Эстонией

Статья экспорта	По плану		Факт реализации		% выполнения
	кол-во м/т	сумма, руб.	кг	сумма, руб.	
Рожь	24000	1 104 000	6 440 556	333 512.08	30,3
Пшеница	4000	224 000	1 237 646	71 292.64	31,9
Овес	5000	200 000	1 068 650	47 242.35	23,7
Жмыхи	8700	345 000	5 748 411	452 047.07	Нет данных
Всего	41 700	1 873 400	14 495 263	874 060.57	46,7

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 75 об. — 76

⁷³ Pihlamagi M. Vaikeriik maailmaturul. L. 316.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 74.

Надежды на использование торгового договора в качестве одного из инструментов в отношениях с Эстонией испарились быстро. В глазах политического руководства СССР приносимые НКВиВТ реальные политико-экономические выгоды значительно перевешивали значимость ставившихся НКИД в отношении Эстонии целей. На одном из совещаний в НКВиВТ торгпред И. А. Смирнов заявил: «Нужно отметить, что Торгпредство в Эстонии не входит даже в расчет во всей системе нашей внешнеторговой политики Союза. Что такое эстонское торгпредство? С ним никто серьезно не считается. Наши товары регулярно направляются в большие торговые организации. Торгпредства в Париже, Берлине, Амторг, Аркос берутся как крупные единицы, на которых базируется и строится весь наш внешнеторговый оборот, мы же являемся пасынками, мы сидим и ждем здесь, когда нашим комитентам заблагорассудится отдать лишний кусок и нам. Это очень характерно... Что такое эстонский рынок? Это не рынок, а слезы»⁷⁵.

На заседании коллегии НК РКИ, состоявшемся 23 ноября 1929 г., было принято постановление, которым рекомендовалось Наркомторгу СССР «для усиления развития наших экспортных операций в Эстонии и постепенного закрепления этого рынка за нами, перейти от метода случайных запродаж отдельных товаров на систематическое и планомерное снабжение его», а также усилить реэкспортные операции, устранить параллелизм в работе Совторгфлота и торгпредства, а «ввиду того, что объем работы “Хлеботорга” в Эстонии, в связи с прекращением вывоза из СССР основных культур хлебопродуктов, сильно сократился, и дальнейшее самостоятельное существование “Хлеботорга” нецелесообразно, ликвидировать в Эстонии “Хлеботорг” как самостоятельную единицу»⁷⁶.

В середине октября 1929 г. в ИНО ОГПУ в очередной раз оценили внутреннюю и внешнюю политику Эстонии: «Несмотря на всю благосклонность к Польше и стремление к возможно большему сближению с ней, в последнее время появились веские факторы, которые парализуют эти стремления эстонского правительства:

1) Обещания СССР дать Эстонии большие заказы. В ожидании этих заказов правительство Эстонии не решается предпринимать какие-либо шаги к дальнейшему сближению с Польшей <...>

2) Желание Польши навязать Эстонии дружбу с Румынией. Так как у Румынии много спорных вопросов с СССР, Эстония всегда избегала иметь дела с румынскими представителями <...> Кроме того, Эстонии неприятно, что Польша любит часто выставлять на вид свое влияние на прибалтийские государства и как бы играет роль опекуна над Эстонией. Правда, эсты не в обиде на Польшу, но опасаются, что хвастовство Польши напрасно раздражает

⁷⁵ Там же. Д. 3251. Л. 152 – 152 об.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 23–24.

СССР, что им в данное время крайне нежелательно»⁷⁷. Однако к маю 1930 г. оценка ИНО ОГПУ внешнеполитического курса Эстонии претерпела изменения: «За последнее время в эстонской внешней политике возросло сильно франко-польское влияние и начало уже серьезно вытеснять первенствующую до этого английскую ориентацию. Объясняется это первым делом тем, что поляки сейчас развили в Эстонии, не жалея средств, большую пропаганду за тесное эсто-польское сближение и этим косвенно агитируют и за французскую ориентацию. Сами поляки стали в Эстонии на твердые ноги и никогда раньше не пользовались там таким влиянием, как сейчас. Причины такого польского успеха в том, что теперешний глава государства Эстонии Штрандман — бывший эстонский посланник в Варшаве и давно уже находится под польским влиянием»⁷⁸. Разведслужбы Эстонии с 1930 г. стали отмечать значительный рост активности IV отдела (разведка) штаба Ленинградского военного округа⁷⁹.

О том, что внешнеполитическая ориентация Эстонии стала вызывать раздражение в Москве, отчасти свидетельствовал выбор нового полпреда. На смену Петровскому в Таллин прибыл Раскольников, которого в Эстонии хорошо помнили еще по событиям конца 1918 г. Принимая в конце января 1930 г. посланника Ю. Сельямаа, Стомоняков заявил: «В течение последнего года мы как-то стали привыкать к мысли, что Эстония взяла более независимый курс в своей политике, и были рады установлению нормальных отношений с нею. Поездка Штрандмана [в Варшаву] показывает, однако, что мы были слишком большими оптимистами»⁸⁰.

В апреле 1931 г. ИНО ОГПУ перехватило переписку английского посланника в Польше. Тот писал: «Ввиду того, что точка зрения г-на Страндмана⁸¹, клонящаяся в пользу заключения подобного рода союза (польско-эстонского военного союза. — А. Р.), к моменту падения его, не осуществилась, замещение его другим лицом, определенным противником политики Страндмана, представляет некоторую угрозу стремлениям Польши играть роль защитника и по-

⁷⁷ ИНО ОГПУ. Справка «О внутренней и внешней политике Эстонии», 11.10.1929 // ERA. 138-SM-1-35. L. 94–95.

⁷⁸ ИНО ОГПУ. Справка «Внешняя политика Эстонии», 24.05.1930 // ERA. 138-SM-1-35. L. 80–81. Отличного от ИНО ОГПУ мнения придерживался начальник военно-морских сил РККА Р. А. Муклевич. 5 апреля 1930 г. он писал полпреду Раскольникову: «Особенно интересуют нас <...> официальные связи эстонских военных с англичанами. У меня были сведения, что на средства нашего Нефтесиндиката приведен в порядок Таллинский порт, построены нефтехранилища, причальные линии и проведены углубления, которые как раз соответствуют <слово нрзб.> для английских крейсеров и облегчат значительно работы для противника в организации мероприятий против нас» // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 206. Л. 14.

⁷⁹ Подробнее см.: *Rosental R., Tamming M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani*. Tallinn: SE&GS, 2013. L. 231–339.

⁸⁰ Цит. по: *Рунасов А. И.* Полномочный представитель СССР в Эстонии Ф. Ф. Раскольников (1930–1933 гг.). Несколько штрихов к портрету // Клио. 2002. № 3. С. 172.

⁸¹ Имеется в виду О. Штрандман.

кровителя Балтийских государств. Отнюдь не правдоподобно, что точка зрения господина Пятса до некоторой степени сформировалась под влиянием последних сообщений о всё возрастающей силе и боеспособности Красной Армии. Политика выжидания с целью наблюдения — справится ли Польша с Россией, в случае нападения со стороны последней, заключает в себе некоторые признаки благоразумия, тем не менее она сопряжена с известной долей опасности. Здесь, мне кажется, налицо риск, что советское правительство, в целях исключения возможности в дальнейшем вмешательства Эстонии в русско-польский конфликт, может сразу же поступить с ней так, как Германия в свое время поступила с Бельгией, а не с Голландией <...> Если бы России удалось нанести сокрушительный удар Польше, то искушение поглотить сразу и Эстонию, и Латвию, быть может, окажется, очень заманчивым. Пожалуй, СССР может пренебречь мнением Западной Европы, если последнее не будет поддержано вооруженной силой. Еще вопрос, решится ли какое-либо западноевропейское государство на войну с Россией для того, чтобы спасти эти две маленькие страны. Мне лично кажется вполне очевидным, что возможность существования этих стран в качестве стран самостоятельных в конечном счете находится в зависимости от существования могущественной Польши»⁸².

Данная оценка английского дипломата в целом коррелировала с преваляровавшим в политическом руководстве СССР и в руководстве НКВД мнением о роли Польши в регионе. В этом отношении для Москвы в определенной степени оказались неожиданными те сигналы о желании обеспечить устойчивое мирное сосуществование, которые с осени 1930 г. и более настойчиво с весны следующего года стала подавать польская сторона. Эти сигналы были восприняты с настороженностью. Стомоняков писал полпреду Ф. Ф. Раскольникову в начале января 1931 г.: «Польская дипломатия по разным каналам лансировала за последние дни известие о якобы сделанном нами Польше новом предложении заключить гарантийный пакт <...> появились сообщения о том, что Польша обуславливает заключение пакта с нами присоединением к нему всех лимитрофов <...> Весьма вероятно, что одной из целей, преследуемых польской дипломатией при распространении слухов о нашем мнимом предложении, является стремление вызвать беспокойство и сделать германское правительство более уступчивым в отношении Польши. Целью обращения польского правительства к прибалтам по этому вопросу, наверное, является, однако, усилить позиции полонофильских кругов <...> и поднять акции Польши во время движения за образование малого прибалтийского блока»⁸³.

В конце мая 1931 г. Стомоняков отверг предложение Раскольникова возобновить по собственной инициативе обсуждение вопроса о пакте ненападения⁸⁴.

⁸² ERA. 138-SM-1-37. Л. 3-4.

⁸³ Цит. по: Рупасов А. И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. С. 216.

⁸⁴ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 26.05.1931 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 36.

Стомоняков исходил из бесспорного для него факта, что пришедшее к власти в феврале правительство Пятса не изменило основной ориентации эстонской внешней политики на сближение с Польшей и образование Прибалтийского блока под эгидой Польши: «<...> до перемены ориентации Эстонии или даже до установления «равновесия сил нашего и польского влияния» еще очень далеко»⁸⁵. В июне он прямо советовал Раскольникову не питать иллюзий относительно возможностей охлаждения между Польшей и Эстонией⁸⁶. Вместе с тем, когда выяснилось, что Пятс останется у власти до выборов 1932 г., полпреду было рекомендовано встретиться с главой правительства в неофициальной обстановке и «как бы экспромтом» поинтересоваться, что тот думает о возможностях улучшения отношений. Раскольников, однако, не должен был вызывать у Пятса «неправильного представления о нашей заинтересованности в заключении пакта с Эстонией в настоящее время»⁸⁷. Минуло всего четыре дня, и куратор I западного отдела НКВД в директивном письме полпредам в прибалтийских государствах выражал наигранное удивление пассивно-выжидательной позицией Риги и Таллина на фоне стремления западноевропейских государств к улучшению отношений с СССР. «Несомненно, с течением времени улучшение наших отношений с великими державами расшевелит также и маленькие прибалтийские государства, но я считал бы нужным уже и теперь повести среди них осторожную пропаганду полезности и необходимости для них... поторопиться самим урегулировать свои отношения с Советским Союзом»⁸⁸.

Конец лета 1931 г. актуализировал в повестке дня советско-польских отношений тему пакта о ненападении. Инициатором выступила Варшава. Круги быстро разошлись по воде. Осень оказалась для дипломатов прибалтийских государств напряженным временем. Ситуация не напоминала середину 1920-х гг. или зиму 1929 г. И в Варшаве, и в Москве исходили из того, что миновали времена, когда можно было *crier de vieux chiffons*. Понимание этого в Таллине и Риге вынуждало подключиться к обсуждению вопроса. 8 декабря эстонский посланник Ю. Сельямаа в беседе с Литвиновым сообщил о желании его правительства возобновить прерванные в 1927 г. переговоры о пакте ненападения⁸⁹. Спустя пять дней Сельямаа сообщил о готовности его правительства вести переговоры в Москве на основе польского пакта. Литвинов предложил вести переговоры, отталкиваясь от тех договоренностей, которые были достигнуты в 1927 г.⁹⁰

⁸⁵ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 16.04.1931 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 24.

⁸⁶ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 16.06.1931 // Там же. Л. 42.

⁸⁷ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 06.07.1931 // Там же. Л. 47–48.

⁸⁸ Письмо Б. С. Стомонякова М. А. Карскому, копии Ф. Ф. Раскольникову и А. И. Свидерскому, 10.07.1931 // Там же. Ф. 0151. Оп. 20. П. 41. Д. 5. Л. 58.

⁸⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 14. С. 698.

⁹⁰ Там же. С. 710.

14 января 1932 г. заведующий 1-м Западным отделом Райвид, препровождая Литвинову и Стомонякову составленную Морштыном пространную справку⁹¹, счел необходимым «сделать некоторые замечания о Балтийском союзе в свете последних фактов и событий»⁹². Морштын утверждал, что «прекращение открытых явно демонстративных прибалтийских конференций с 1926 г. не может, однако, рассматриваться как доказательство прекращения политического сотрудничества между Прибалтами и Польшей и как доказательство отсутствия с их стороны единого фронта против СССР», это сотрудничество приобрело «несколько законспирированные антисоветские» формы⁹³. Райвид же обращал внимание на фундаментальный фактор, обуславливавший стремление балтийских государств к сотрудничеству с Польшей: «Основным и важнейшим фактором является чрезвычайный страх перед Советским Союзом и перед его растущей политической и экономической мощью. Буржуазия и кулачество лимитрофных стран одержимы страхом перед социальной опасностью — перед насильственной советизацией, попытка которой со стороны СССР им кажется неотвратимой <...> Им кажется, что окрепший и выросший Советский Союз постарается подобно царской империи попытаться вновь присоединить к себе лимитрофы, в первую голову для того, чтобы овладеть важнейшими путями к Балтийскому морю и балтийским портам»⁹⁴. Обращая внимание на наличие центростремительных тенденций у балтийских государств и Польши, Райвид вместе с тем подчеркивал и наличие центробежных тенденций, а именно — особое нежелание Финляндии и Латвии быть вовлеченными в антисоветские авантюры. Эстония в числе не желающих быть вовлеченной в таковые им названа не была⁹⁵. Райвид соглашался с мнением Морштына, что отсутствие де-юре оформленного Балтийского блока отнюдь не означает прекращение взаимодействия лимитрофов по основным важнейшим внешнеполитическим вопросам. В отношении Эстонии он особо обращал внимание на очень тесное военное сотрудничество Таллина и Варшавы (предполагая даже возможное наличие тайного военного соглашения) и контакты между генштабами Эстонии и Финляндии, Польши и Латвии. «Следует специально отметить, — подчеркивал Райвид, — что Эстония по этой линии играет очень серьезную роль — она является связующим звеном между Польшей, Латвией и Финляндией <...> После Ревельского восстания Эстония стала вообще играть самую активную роль в качестве прямого союзника и вассала Польши <...> благодаря Эстонии польская цепь оказывается цепью замкнутой»⁹⁶.

⁹¹ *Морштын И.* Историческая справка о Прибалтийском блоке // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 86. Д. 68. Л. 8–22.

⁹² Райвид — М. М. Литвинову, Б. С. Стомонякову, 14.01.1932 // Там же. Л. 1–7.

⁹³ *Морштын И.* Историческая справка о Прибалтийском блоке. Л. 19.

⁹⁴ Райвид — М. М. Литвинову, Б. С. Стомонякову, 14.01.1932 // Там же. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Л. 3.

⁹⁶ Там же. Л. 5.

Союзница Эстонии Латвия позже согласилась вести переговоры о пакте, но быстрее успех был достигнут в советско-латвийских, а не советско-эстонских переговорах. Проявленная Эстонией медлительность озабоченности советской стороны не вызывала. 4 мая советско-эстонский пакт был подписан. Длительное маневрирование дипломатов вокруг формулировок статей договора (особенно вокруг статьи о нейтралитете) в отличие от прежних времен не подкреплялось с советской стороны намеками на некие торговые блага. Заведующий I Западным отделом НКВД Н. Я. Райвид в середине января 1932 г. писал: «Мы, конечно, должны делать всё необходимое для противодействия влиянию Польши в Прибалтике. Но отнюдь не следует еще раз повторять попытку путем крупных экономических жертв парализовать влияние Польши <...> Эти жертвы не оправдывают себя так, как мы этого ожидали»⁹⁷. Итогом такого подхода стало то, что за 1932 г. экспорт Эстонии в СССР составил около 188 тыс. эстонских крон. Для сравнения: стоимость эстонского экспорта в Англию превысила 15,5 млн крон, в Германию — 11 млн крон. Даже экспорт в Литву почти в 5 раз превышал экспорт в СССР⁹⁸. Однако общая политическая атмосфера, в которой проходили затянувшиеся переговоры о пакте, создала предпосылки для еще одной дипломатической удачи советской стороны — 10 августа 1932 г. была подписана двусторонняя согласительная конвенция, не содержащая тех уступок, которые были сделаны полпредом И. М. Майским в ходе переговоров с Финляндией.

Кризисная ситуация в экономике Эстонии негативно сказывалась на скромных попытках советской стороны развивать некоторые экспортные направления. В результате Наркомату внешней торговли пришлось в июне 1932 г. принимать особое постановление «О методах работы Техноэкспорта», в котором, в частности, указывалось: «В целях наибольшей гарантии получения реального покрытия за сельскохозяйственные машины, организовать в Финляндии, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Турции и Греции реализацию сельскохозяйственных машин путем встречных сделок на сельскохозяйственные продукты и сырье, не приостанавливая сбыта сельскохозяйственных машин существующим порядком»⁹⁹. Особо негативную реакцию в деловых кругах Эстонии в это время вызвало дело бизнесмена Я. Пертселя, фактически разоренного из-за отказа советских органов выполнить решение эстонского суда о возмещении ему убытков. В день подписания пакта о ненападении Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривая вопрос по делу Пертселя, потребовало принять меры экономического давления, а именно: прекратить всякие закупки в Эстонии, прекратить фрахт эстонских судов, не завозить товары для транзита в третьи страны¹⁰⁰. В Эстонии открыто стали говорить о желательности денонсации советско-эстонского торгового договора.

⁹⁷ Райвид Н. Я. К вопросу о Балтийском союзе, 14.01.1932 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 86. Д. 68. Л. 7.

⁹⁸ ERA. 138-SM-1-54. L. 54.

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 258. Л. 9.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Кен О., Рутасов А. Западное приграничье. С. 325–328.

К осени атмосфера в двусторонних отношениях несколько улучшилась. Дело Пертселя удалось урегулировать. 30 октября 1932 г. Политбюро согласилось с предложением НКВТ о закупке в Эстонии в 4-м квартале товаров для Торгсина на сумму 200 тыс. руб. Масштабы намечаемых закупок не свидетельствовали о стремлении к развитию торговых связей с Эстонией. Речь шла о достижении кратковременного эффекта, не более. Информация была доведена сразу же до полпредства в Таллине. 19 ноября 1932 г. полпред Раскольников посетил главу эстонского МИД А. Рея. Последний просил как можно скорее произвести какие-нибудь закупки, чтобы показать, что с его приходом в МИД советско-эстонские отношения сразу улучшились. Вечером того же дня Раскольников на частной квартире у министра путей сообщения А. Ойнаса снова встретился с Реем: «Лидеры социалистов энергично настаивали на необходимости немедленного предоставления заказов»¹⁰¹. Эстонская сторона была также крайне заинтересована в наращивании транзитных операций через эстонские порты. Это не соответствовало ставившимся политическим руководством СССР задачам. В течение 1932–1933 гг. осуществление транзитных операций почти полностью прекратилось.

В 1932–1933 гг. внутривнутриполитическая ситуация в Эстонии, обострившаяся борьбой вокруг вопроса о новой конституции, в которой значительно были бы расширены полномочия главы государства, стала вызывать пристальное внимание советских дипломатов. Резкий подъем активности движения участников Освободительной войны, начавшийся после 3-го съезда Центрального союза участников Освободительной войны (*Eesti Vabadussõjalaste Keskliit*), созданного в марте 1932 г., был способен кардинально изменить внутривнутриполитическую ситуацию¹⁰². 22 ноября Раскольников пригласил к себе И. Пухка и торгпреда Г. К. Клингера. В ходе состоявшейся беседы Пухк был откровенен: Эстония сейчас находится на пути к диктатуре, но это будет не та фашистская диктатура, которой добиваются «освободители»; дело остановится на полпути и ограничится диктатурой президента¹⁰³.

В конце ноября 1932 г. информатором ИНО ОГПУ был подготовлен «Политический обзор», в котором давалась характеристика сложившейся в Эстонии внутривнутриполитической ситуации, из которого следовало, что вице-директор главного полицейского управления Сооман в политических целях намеренно в представленной правительству и парламенту оценке ситуации настолько стусил краски, что эта возникшая среди депутатов растерянность и паника

¹⁰¹ Дневник Ф. Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 25. П. 37. Д. 26. Л. 77–78.

¹⁰² Подробнее см., напр.: *Sahlström A. Under blåsvarta färgen. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938.* Helsinki, 2000; *Välge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogias, poliitiline taktika ja kontaktid* // Tuna. 2009. N 3. L. 50–63; *Kenkmann P. Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist?* // Ibid. L. 42–49; *Pajur A. Vabadussõjalaste retseptioon Pätsi ajast kaasajani* // Ibid. L. 34–41.

¹⁰³ Дневник Ф. Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 25. П. 37. Д. 26. Л. 76.

позволила К. Пятсу создать коалиционное правительство «с широчайшими полномочиями»¹⁰⁴. «Для отвлечения интересов населения, для создания абсолютистического законодательного и правительственного аппарата, а для К. Пятса лично — для получения президентского поста, наиболее актуальным вопросом выдвигается проект изменения конституции»¹⁰⁵. 8 декабря тот же информатор оценивал внутривнутриполитическую ситуацию в Эстонии следующим образом: «Чрезвычайная непрозрачность фактического положения, и в связи с этим почти невозможность более или менее верного прогноза об обороте вещей в дальнейшем будущем»¹⁰⁶. Правительство, обладающее широкими полномочиями, писал он, будет стремиться к оздоровлению экономической ситуации, для чего ему необходимо стабилизировать эстонскую крону и принять меры против утечки капитала. На этом пути правительству Пятса удалось добиться первых успехов — продажа валюты на черной бирже практически прекратилась, валюта приобретает только импортерами для покрытия внешних долгов. Стал заметным приток вкладов населения в банки, что свидетельствовало об укреплении доверия к кроне. Информатор обращал внимание на меры, предпринятые правительством против участников освободительной войны, деятельность которых была основным дестабилизирующим фактором. Однако уже по прошествии полутора недель тот же информатор обращал внимание на то обстоятельство, что наступившее, казалось бы, внутреннее успокоение оказалось краткосрочным: «<...> наблюдается прогрессивно увеличивающаяся политическая активизация населения, выражающаяся в разочаровании в настоящем государственном строе, в политической системе, в так называемых политических вождях, а главное в потере доверия к ликвидации катастрофического экономического положения избитыми методами правительственных спецов по хозяйственным вопросам»¹⁰⁷. Особое раздражение у вовлеченных в импортные операции бизнесменов вызвал декрет правительства о 15% обложении всех банковских операций с заграницей, что фактически увеличивало их задолженность на те же 15%. По словам информатора, резко изменилось отношение к торговым операциям с СССР из-за пассивности баланса в торговле с Москвой, отсутствия кредита, низкого качества советских товаров¹⁰⁸.

В начале нового 1933 г. ситуация в Эстонии в ИНО ОГПУ оценивалась так: «<...> стало ясно, что попытка К. Пятса создать “единый фронт” политических партий, овладеть прессой всей, составить одно общественное мнение под лозунгом “спасения страны” — не удастся. Вся картина не проявляется. Задачей правительства впредь будет сохранение внутреннего спокойствия страны, без-

¹⁰⁴ ERA. 138-SM-1-54. L. 4.

¹⁰⁵ Ibid. L. 5.

¹⁰⁶ Ibid. L. 7.

¹⁰⁷ Ibid. L. 11.

¹⁰⁸ Ibid. L. 13.

жалостная полицейская борьба против левого рабочего движения, скрытая борьба против антипартийно настроенных фашистских движений (участники освободительной войны), а затем удерживание государственного экономического равновесия до тех пор, пока новое правительство после предстоящего изменения конституции не явится на смену старого»¹⁰⁹. Предстоящее народное голосование по вопросу об изменении конституции Эстонии привело к тому, что «на всех фронтах» происходит самое интенсивное приготовление, «втихомолку производится полная мобилизация всех политических партий»¹¹⁰.

10 января 1933 г. последовала публикация обязательного постановления начальника внутренней обороны Эстонии¹¹¹, которым, в частности, вводилось следующее:

- запрет на передвижение в приграничной полосе шириной 1 км на советско-эстонской и латвийско-эстонской границе с заката до восхода солнца;
- запрет на выход на воду без разрешения пограничной стражи с побережья Чудского и Псковского озер и передвижения в водной приграничной полосе шириной в полкилометра вдоль советско-эстонской границы на упомянутых озерах.

К концу января ситуация в Эстонии стала еще более напряженной. Вместе с тем информаторы ИНО ОГПУ обращали внимание на то, что несмотря на резкое и продолжающееся ухудшение положения большинства населения страны избранная правительством и большинством партий тактика нагнетания в средствах массовой информации антисоветской атмосферы приносит свои плоды («сильно тормозила революционизирование масс»)¹¹². Падение эстонского экспорта продолжалось, правительству с трудом удавалось лишь поддерживать равенство импорта и экспорта. На этом фоне произошли некоторые изменения в советско-эстонской торговле. СССР занял 7-е место среди европейских рынков, на которые поступали эстонские товары. Однако в стоимостном выражении в январе 1933 г. экспорт в СССР едва превысил 94 тыс. эстонских крон (в Англию, например, было экспортировано товаров более чем на 0,5 млн крон, во Францию — свыше 300 тыс.)¹¹³. В относительных значениях доля Советского Союза в импорте Эстонии постепенно сокращалась: с 2% (январь–ноябрь 1932) до 1,6% (январь–ноябрь 1933), хотя в экспорте Эстонии возросла с 0,1 до 0,7%¹¹⁴.

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Эстонии побуждало советскую сторону с повышенным вниманием относиться к внешнеполитическим

¹⁰⁹ Ibid. L. 27.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Было подписано министром юстиции и внутренних дел А. Андеркоппом на правах начальника внутренней обороны.

¹¹² ERA. 138-SM-1-54. L. 42.

¹¹³ Ibid. L. 59–60.

¹¹⁴ Baltic States. Annual Report, 1933 // FO/371/14388/N626/626/59. P. 27.

контактам тех или иных политических сил. В конце июня 1933 г. ИНО ОГПУ информировало руководство об эстонских национал-социалистах. Во главе последних стоял, согласно этой информации, Александр Лейпер, личный друг А. Розенберга. Основными организациями, в которых было сильно их влияние, являлись Союз освободителей (Таллин), союз фашистов (Тарту), Общество «Мытте-Ринг» (культурно-просветительное общество во главе с бароном Иксюлем и В. Лаусеном, на которое значительное влияние оказывал так называемый «немецкий клуб» во главе с Гансом фон Шульманом, Виктором фон Мюленом, Герхардом Крессом)¹¹⁵. Обращалось внимание и на рост интереса к режиму Муссолини. Английский посланник Кнетчбал-Хьюджессен информировал Форин офис о содержании состоявшейся у него 28 февраля беседы с Пятсом. Глава Эстонии объяснил решение эстонских властей о приезде 10 членов НСДАП: им разрешено приехать, но не в униформе. Пятс заметил, что он полагается на Польшу в случае возникновения каких-либо чрезвычайных обстоятельств с востока. Если Россия будет угрожать завоевавшим свою независимость государствам, то они выступят сообща. По его мнению, такое поведение России будет финальным актом отчаяния. Сейчас Россия чрезвычайно слаба, ситуация в ней настолько плоха, что долго таковой сохраняться не может, близится время, когда она начнет распадаться — все территории от Крыма до Центральной Азии готовы отделиться от России. Кроме того, в Карелии глава местной власти имеет очень слабые контакты с Москвой. Помимо магометан от России отделятся Украина, Белоруссия, Карелия, возможно, территория к востоку от Байкала перейдет под контроль японцев. Знание солдат Красной армии, состоящей сплошь из крестьян, о своих голодающих семьях в случае чрезвычайных обстоятельств станет причиной того, что эту армию не удастся удержать под контролем¹¹⁶.

В конце июля 1933 г. ИНО ОГПУ информировало руководство о полученной от одного из информаторов оценке ситуации в стране: «Дальнейшие государственно-политические пути Эстонии представляются ее руководящим группировкам особенно сложными и неясными. Сложность и неясность заключаются не только в вопросах внешней и внутренней политики и экономики, но относятся и даже главным образом заботят в смысле будущего страны как таковой, а равно и личного положения тех, кто ныне, управляя страной, упрочил свое личное благосостояние, вошли во вкус обеспеченной жизни, привыкли к влиянию и власти... Руководящий Эстонией и ее жизнью т[ак] ск[азать] “правлящий класс” не имеет твердых перспектив на незыблемость теперешнего, суверенного, самостоятельного бытия страны. Подробное исследование этого положения хотя и не произносимо, но весьма повелительно учитывается всеми, кто думает не только о настоящем, но и о будущем Эстонии и о самих

¹¹⁵ ERA. 138-SM-1-54. L. 85.

¹¹⁶ Н. М. Knatchbull-Hugessen to Simon, 01.03.1933 // FO/371/17185/N1858.

себе. Где-то и как-то надо искать опору застраховаться. И борьба против нынешнего парламентского режима невольно обращает взоры ее руководителей на Германию. Говорить об этом громко они никак не могут, ибо немедленно противниками будут обвинены в “продажности немцам” и сорвут этим дело с голосованием об изменении конституции, но некоторые контакты под сурдинку уже завязываются <...> В последнее время много изменилось. СССР кажется совсем уже не так страшным, прежнее значение государства-буфера слабеет, экономическая и политическая поддержка вследствие общей депрессии и многих перемен далеко не так обеспечена, как раньше, “естественные ресурсы”, т.е. остатки ценностей царской России иссякают. Невольно приходится под другим углом зрения всмотреться, что сулит эстонскому народу восстановление нормальной жизни, т.е. перемена политического строя в России. <...> Не претендуя на установление самостоятельного курса, эстонский государственный корабль напряженно изыскивает фарватер в бурном и богатом подводными мелями море»¹¹⁷.

В середине августа 1933 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожец направил начальнику ИНО ОГПУ Артузову справку об «эстонской фашистской организации “Освободители”»¹¹⁸. В справке констатировалось наличие 5 различных групп в Союзе освободителей, имеющих «разнородную партийную окраску», но при этом обращалось внимание на то, что анализ из политических требований позволяет выделить три течения: 1) наиболее реакционная группа, требующая фашистской диктатуры, все вожди которой «имеют тесный контакт с отдельными воинскими частями»; 2) группа, стремящаяся к законным эволюционным реформам; 3) группа, считающая необходимым создание на основе Союза новой политической силы. «По неполным данным “Союз освободителей” насчитывает в своих рядах свыше 5000 человек, среди которых имеются также и ингерманландцы, и финансируется банками и крупными фирмами в Эстонии... освободители поддерживают связь с финскими лапуасцами, в контакте с которыми ведут свою работу... Близко к Союзу освободителей стоит “Патриотическое общество”, объединяющее прибалтийских немцев»¹¹⁹. Активизацией деятельности Союза в связи с предстоящими парламентскими выборами, по мнению автора записки, и было вызвано объявление правительством осадного положения (усиленной охраны) в стране. К концу августа озабоченность ИНО ОГПУ ростом влияния Германии в Эстонии нашла отражение в специальной информации «Деятельность гитлеровцев в Эстонии». В ней, в частности, обращалось внимание на возглавляемую бывшим ротмистром Балтийского полка фон цур Мюлленом (давно лично знакомого с Гитлером) национал-социалистическую организацию.

¹¹⁷ Политический обзор Эстонии. Источник Л-29 («о сообщении Б. В. Энгельгарда для немцев»). 25.07.1933 // ERA. 138-SM-1-54. L. 94-95.

¹¹⁸ Ibid. L. 101.

¹¹⁹ Ibid. L. 103-104.

Таллин (Ревель), по данным автора справки, должен был стать центром национал-социалистического движения в Прибалтике¹²⁰.

Складывавшаяся в Эстонии ситуация, как и ситуация в Латвии, к концу 1933 г. послужила импульсом для разработки в Москве комплексной программы развития отношений с Эстонией, Латвией и Литвой.

References

- Arumäe H.* Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // *Tuna*. 2014. L. 88–103.
- Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005.
- Ilmjärv M.* Hääletu alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus: 1920. aastate kekspaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.
- Ilmjärv M.* Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // *Acta historica Tallinensia*. 2009. N 2. L. 2.
- Ken O. N., Rupasov A. I.* Moskovskij protokol ili «Varšavskij pakt»? // *Rossia v kontekste mirovoj istorii*: Sb. statej. SPb.: Nauka, 2002. S. 223–233.
- Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // *Tuna*. 2009. N 3. L. 42–49.
- Pajur A.* Vabadussõjalaste retseptisioon Pätsi ajast kaasajani // *Tuna*. 2009. N 3. L. 34–41.
- Pihlamägi M.* Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004.
- Renning R.* Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a. Tallinn: [s. n.], 1927.
- Rosental R., Tamming M.* Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn: SE&GS, 2013.
- Rupasov A. I.* Garantii. Bezopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva-limitrofy v 1920-h — načale 1930-h gg. SPb.: Evropejskij dom, 2008.
- Rupasov A. I.* Polnomočnyj predstavitel' SSSR v Èstonii F. F. Raskol'nikov (1930–1933 gg.). Neskol'ko štrihov k portretu // *Klio*. 2002. N 3. S. 171–181.
- Sahlström A.* Under blåsvarta färger. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938. Helsinki, 2000.
- Valge J.* Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogია, poliitiline taktika ja kontaktid // *Tuna*. 2009. N 3. L. 50–63.
- Valge J.* Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // *Akadeemia*. 2007. N 1. L. 1163–1200; N 2. L. 1453–1484.
- Valge J.* Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // *Tuna*. 2007. N 2. L. 42–66.
- Valge J.* Top Estonian Politician's Financial Dealings with Moscow // *Journal of Baltic Studies*. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478.
- Valge J.* Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // *Ajalooline Ajakiri*. 2010. N 1. L. 59–78.

Список литературы

- Ken O. N., Rupasov A. I.* Московский протокол или «Варшавский пакт»? // *Россия в контексте мировой истории: Сб. статей*. СПб.: Наука, 2002. С. 223–233.
- Rupasov A. I.* Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х — начале 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2008.
- Rupasov A. I.* Полномочный представитель СССР в Эстонии Ф. Ф. Раскольников (1930–1933 гг.). Несколько штрихов к портрету // *Клио*. 2002. № 3. С. 171–181.
- Arumäe H.* Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // *Tuna*. 2014. L. 88–103.
- Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005.
- Ilmjärv M.* Hääletu alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus: 1920. aastate kekspaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.
- Ilmjärv M.* Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // *Acta historica Tallinensia*. 2009. N 2. L. 2.
- Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // *Tuna*. 2009. N 3. L. 42–49.

¹²⁰ Политический обзор Эстонии. 25.07.1933 // ERA. 138-SM-1–54. L. 116–118.

- Pajur A.* Vabadussõjalaste retseptioon Pätsi ajast kaasajani // *Tuna*. 2009. N 3. L. 34–41.
- Pihlamägi M.* Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004.
- Renning R.* Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a. Tallinn: [s. n.], 1927.
- Rosental R., Tamming M.* Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn: SE&GS, 2013.
- Sahlström A.* Under blåsvarta färger. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938. Helsinki, 2000.
- Valge J.* Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // *Tuna*. 2009. N 3. L. 50–63.
- Valge J.* Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // *Akadeemia*. 2007. N 1. L. 1163–1200; N2. L. 1453–1484.
- Valge J.* Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // *Tuna*. 2007. N 2. L. 42–66.
- Valge J.* Top Estonian Politician's Financial Dealings with Moscow // *Journal of Baltic Studies*. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478.
- Valge J.* Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // *Ajalooline Ajakiri*. 2010. N 1. L. 59–78.